

XVIII вв.³⁵ Но, пожалуй, самой интересной находкой Б. Л. Фонкича является определение им греческого автографа Максима Грека (Апостол из собрания Кирилло-Белозерского монастыря в ГПБ).³⁶

Изучением рукописей, содержащих в себе так называемые малые хроники, занимается З. Г. Самодурова. Исследовав состав сборников, включающих эти хроники, она пришла к выводу об учебном назначении подобных сборников.³⁷

Специалист по истории византийского искусства В. Д. Лихачева занимается кодикологией рукописей, имеющих миниатюры.³⁸ Автор настоящей статьи в издании каталогов греческих рукописей Библиотеки Академии наук СССР опубликовал сведения о наиболее интересных рукописях этого собрания.³⁹

Заканчивая обзор кодикологических изысканий по греческим рукописям, следует отметить, что в нашей стране есть два научных учреждения, целью которых является изучение рукописной книги, — это Научно-исследовательский институт древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран) и Институт рукописей Грузинской Академии наук. Эти два учреждения ведут большую работу по изучению книжной культуры своих народов.

Г. М. ПРОХОРОВ

КОДИКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В Государственной публичной библиотеке в Ленинграде хранится рукопись, которая согласно приписке в конце создавалась «по благословению священного епископа Дионисия» — хорошо известного в истории Дионисия Суздальского, предназначалась нижегородскому «князю великому Дмитрию Костянтиновичу», тестю и союзнику московского великого князя Дмитрия Ивано-

³⁵ Б. Л. Фонкич. Греческие писцы эпохи Возрождения. I—II. Визант. временник, т. XXVI, 1965, стр. 266—271; т. XXVIII, 1968, стр. 283—285.

³⁶ Б. Л. Фонкич. Новый автограф Максима Грека. Byzantinoslavica. Рос. 31, 1969, р. 77—82.

³⁷ З. Г. Самодурова. 1) Хроника Петра Александрийского. Визант. временник, т. XVIII, 1961, стр. 150—197; 2) Роль малых хроник в истории византийской образованности. Там же, т. XXXI, 1971, стр. 226—233.

³⁸ В. Д. Лихачева. Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской Публичной библиотеки. Визант. временник, т. XIX, 1962, стр. 144—153.

³⁹ И. П. Лебедева. 1) Неизвестные фрагменты греческого евангелия в собрании Библиотеки АН СССР. Палест. сборник, вып. 15 (78), 1966, стр. 118—128. 2) Рукописи афонского происхождения в собрании БАН СССР. Сб. статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению, 1970, стр. 268—278.

вича (будущего Донского), а работал над ней «раб Божий Лаврентей мних» с 14 января по 20 марта 1377 г., т. е. в период «розымрия» Руси с татарами, за три с половиной года до Куликовской битвы. Это рукопись Лаврентьевской летописи, названной так по имени автора приписки, ее писца. Рукопись принадлежит к числу драгоценнейших среди пощаженных временем древнерусских книг. Из манускриптов летописного содержания древней ее один лишь Синодальный список Новгородской I летописи (XIII—первая половина XIV в.).

«И нынѣ, господа отци и братья, — писал в своей приписке Лаврентий, — оже ся гдѣ буду описал или переписал, или не дописал, чтите исправливая, Бога дѣля, а не клените; занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел». Для историков России, исследователей русского летописания, русской литературы и культуры исключительно важен вопрос, в чем заключался и какой характер носил труд создателей Лаврентьевской, ибо текст этой летописи бесценен и в значительной части уникален. Достаточно напомнить, что здесь содержатся древнейший список и особая редакция Повести временных лет, единственный список Поучения Владимира Мономаха, особая версия рассказа о событиях во Владимир-Суздальской Руси XIII в. Летопись оканчивается статьей 6813 (1305) г. Переписал ли Лаврентий бесхитростно «ветшанные» книги — летописный свод этого 1305 г. или же в какой-то мере творчески использовал имевшийся в его распоряжении материал?

Исследователи по-разному ответили на эти вопросы. А. А. Шахматов — альтернативно: «Эта летопись составлена или только переписана с готового оригинала в 1377 г.», «не исключена возможность того, что составитель Лаврентьевской и сам внес в свой труд кое-какие домыслы и поправки».¹

М. Д. Приселков характер работы Лаврентия и его приписку понял однозначно: Лаврентий, получив от нижегородского великого князя заказ на копию старой книги, а от епископа — разрешение на исполнение этого заказа, «старался выполнить свою работу как точный копиист, а не редактор»;² в основу работы он «клял простое воспроизведение дурно сохранившегося древнего свода начала XIV в.».³ Текст Лаврентьевской, таким образом, представляет собой, на взгляд ученого, «простую копию» свода 1305 г.⁴ Но для переписки «могли найти лишь очень ветхий экземпляр свода 1305 г., о чем заявляет и сам Лаврентий»,⁵ и «Лаврентий, как молодой и неопытный переписчик, не всегда мог

¹ А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 9, 37.

² М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. института им. Герцена, т. XIX, Кафедра истории СССР, Л., 1939, стр. 189.

³ М. Д. Приселков. Летописание XIV века. Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пб., 1922, стр. 29.

⁴ М. Д. Приселков. История рукописи..., стр. 186.

⁵ М. Д. Приселков. Летописание XIV века, стр. 38.

справиться со своей задачей удовлетворительно».⁶ Таким образом, «копия, снятая Лаврентием... с копии... великокняжеского свода 1305 г.», согласно убеждению М. Д. Приселкова, — «черновик, лишенный какого-либо политического значения для своего и последующего времени».⁷

В. Л. Комарович, изучая рассказ Лаврентьевской о татарском нашествии, пришел к заключению о «смелом своеобразии проделанной Лаврентием самостоятельной летописной работы»,⁸ т. е. к обратному, чем М. Д. Приселков, выводу о характере работы Лаврентия. По мнению В. Л. Комаровича, работа редактора имела публицистический смысл и была проникнута понятным для современников полемизмом.⁹

Доказательство В. Л. Комаровича встретило разные оценки. На взгляд Д. С. Лихачева, «В. Л. Комарович бесспорно установил, что Лаврентий не был простым копиистом».¹⁰ Однако А. Н. Насонов отверг точку зрения В. Л. Комаровича и вернулся ко взглядам М. Д. Приселкова. «Как правильно полагают, — пишет он со ссылкой на статью М. Д. Приселкова «История рукописи...», — труд Лаврентия был вызван желанием местного правительства получить материал для составления большого летописного свода. ... надо было „для великого князя Дмитрия Константиновича“ снять копию с хранившегося во Владимире древнего великокняжеского свода». И значит, рукопись, «которую мы условно называем Лаврентьевской летописью», есть не что иное, как «копия, сделанная Лаврентием с великокняжеского свода 1305 г.».¹¹

Анализ и сопоставление летописных текстов сами по себе не позволяют прийти к твердому пониманию факта создания Лаврентьевской (я имею в виду событие 1377 г.) и к безусловному определению ее места в истории русского летописания. Главное, что требует здесь объяснения, — значительное сходство между Лаврентьевской летописью и Троицкой, общерусским митрополитским сводом 1408 г. Объяснение же этого сходства прямо зависит от того или иного нашего представления о рукописи Лаврентия: если Лаврентьевская — копия свода 1305 г., то в основании Троицкой *может* лежать не она сама, а этот ее гипотетический протограф — свод 1305 г.; но если общий с Троицкой текст Лаврентьевской — плод какой-то работы 1377 г., то Троицкая лето-

⁶ М. Д. Приселков. История рукописи..., стр. 186.

⁷ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). Уч. зап. ЛГУ, № 32, серия истор. наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 142.

⁸ История русской литературы, т. II, ч. 1, М.—Л., 1945, стр. 94.

⁹ Там же, стр. 91. См. также: В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. (Машинопись). Архив ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 388, стр. 175, 231, 300—301.

¹⁰ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 195.

¹¹ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. Проблемы источниковедения, № 11, 1963, стр. 436, 457.

пись опирается (непосредственно или через какое-то промежуточное звено) на самую Лаврентьевскую. Решение этого вопроса существенно затрудняется тем, что, не будучи научно описанной и полностью изданной, Троицкая летопись сгорела в московском пожаре 1812 г. Реконструкция Троицкой, которой ученый мир обязан М. Д. Приселкову,¹² дает представление о ее тексте. Но «харатейная» ее рукопись (третья по древности среди летописей, первая после Лаврентьевской) погибла безвозвратно. Тем драгоценней для нас оригинал Лаврентьевской: его особенности, как и особенности всякой рукописи, хранят какие-то следы истории ее создания. И следовательно, существует вероятность расшифровки этой истории.

Нельзя сказать, что рукопись, о которой идет речь, не привлекала внимания ученых. На основании внешних данных Лаврентьевской уже делались выводы и о характере работы над ней, и — даже! — о формате ее протографа.¹³ Остановимся теперь на этих наблюдениях и мыслях подробней.

В предисловии к изданию Лаврентьевской летописи В. Ф. Карский сообщил: «До 40 л. (стр. 116 настоящего издания) рукопись писана в сплошную строку уставным почерком, который оканчивается 8 строкою сверху на обороте 40 л., а с 41 листа до конца — в два столбца древнейшим русским полууставным почерком и другими чернилами. Впрочем, в трех местах рукописи (лл. 157, 161 об. и 167) встречаются части, написанные в два столбца уставом, напоминающим начальный почерк, только более мелким. На оборотной стороне этих трех листов имеются пробелы, не нарушающие, впрочем, смысла речи».¹⁴ Относительно третьего из этих листов (167) издатель не был уверен, что он писан тем же почерком, что и первые два (157 и 161). Об этом листе в примечании «з» на стр. 474 издания сказано: «Лист 167, писанный крупным уставным почерком другою рукою, вставлен в Л(аврентьевскую) после. Письмо того же XIV в. (ср. л. 157)». Хранитель Отдела рукописей Публичной библиотеки А. И. Бычков в 40-х годах прошлого века записал в рукописном «Каталоге церковнославянских и русских рукописей» (отд. IV): «Перенос речений на следующие (страницы) показывает, что означенные три листа вставлены были в рукопись для ускорения ее переписки». М. Д. Приселков (может быть, под влиянием этой мысли А. И. Бычкова, а может быть, под влиянием работ над латинскими рукописями А. Кларка и Л. Хавэ¹⁵) так воссоздал процесс изготовления кодекса Лаврентьевской: «Лаврентий решил

¹² М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

¹³ См.: М. Д. Приселков. Формат «Летописца» 1305 г. Сб. ОРИС, т. CI, № 3. В честь акад. А. И. Соболевского, Л., 1928.

¹⁴ ПСРЛ, т. I. 2-е изд., Л., 1926, стр. IV.

¹⁵ См.: Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 204.

представить снятую копию в виде парадно выполненной книги, покрытой по листам торжественным уставным письмом. Однако заказчик потребовал ускорения в исполнении заказа, дорожа временем, а не оформлением книги, что вынудило перейти от уставного письма на полуустав и отказаться от расположения на странице одной строки, перейдя на две колонны, что ускорило и облегчало труд переписчика. Но через некоторое время заказчик вновь потребовал ускорения в представлении ему ожидаемой копии старой книги, что заставило Лаврентия прибегнуть к расшитию переписываемой книги и раздаче по частям для переписки одновременно нескольким переписчикам.¹⁶ Работа по переписке после л. 156 «была, — по мнению М. Д. Приселкова, — частями распределена между несколькими лицами»: «одному из них дали для переписки материал вынешних 158, 159, 160 и 161 лл., другому 162—167 лл., причем третий одновременно писал 168 и посл. Если все эти писцы выполняли работу одновременно и с рукописи иного формата против формата Лаврентьевской, то неизбежно должны были при некоторой неосмотрительности в распределении работы получиться пробелы в конце работы каждого писца. Когда первый писец, закончив об. 156 л., подсчитал оставшийся ему для переписки материал, он решил, несмотря на значительность его, втиснуть его в один лист своей рукописи: с этой целью писец покрыл лицо 157 л. особо сжатым и мелким письмом, какого больше мы не встречаем на всем пространстве рукописи, сделав в первом столбце 34, а во втором — 33 строки на разлинованной в 32 строки странице; так как от этого получилась слишком большая экономия материала для об. 157 л., писец перешел на этом обороте на уставное письмо, получив в результате только 7½ незаполненных строк. Второй писец за это время выполнил переписку своего материала, расположив его на 158, 159, 160 и лице 161 л. На об. 161 л. у него осталось незначительное количество материала, которым он заполнил первые 13 строк первого столбца, и, не зная, как закончить работу, обратился к первому писцу за указанием: возможно, что первый писец и докончил последние девять строк уставным письмом. Третий писец за это время выполнил работу над 162, 163, 164, 165 и 166 лл., а оставшийся материал за него решил подогнать к работе четвертого писца первый писец. Он для этого заполнил лице 167 л. уставным письмом, а на обороте дал (тем же письмом) в первом столбце только 30 строк». ¹⁷ Таким образом, части текста между пробелами на оборотах лл. 157 и 161, 161 и 167 М. Д. Приселков счел «уроками», которые были даны для переписки помощникам Лаврентия; сами же пробелы исследователь объяснил разницей формата протографа («Летописца» 1305 г.) и копии (Лаврентьевской).

¹⁶ М. Д. Приселков. История рукописи..., стр. 185.

¹⁷ М. Д. Приселков. Формат «Летописца» 1305 г., стр. 168—169.

И здесь перед ученым встал вопрос: зная величину «урока» и формат копии, нельзя ли попытаться определить формат оригинала?

Сравнивая Лаврентьевскую с Симеоновской летописью (рукопись XVI в.), которая на значительном пространстве содержит сходный текст, М. Д. Приселков сделал еще одно наблюдение: «Если мы откроем текст Симеоновской летописи под 1237 г. в том месте, которое соответствует обороту 161-го листа Лаврентьевской, то увидим почти полное совпадение текста, расположенного на обороте 161-го листа Лаврентьевской, с текстом, расположенным на обороте 82-го листа Симеоновской. Точно так же в изложении 1262 г. в том месте, которое соответствует обороту 167-го листа Лаврентьевской летописи, мы опять видим, что конец оборота 167-го листа Лаврентьевской летописи совпадает с окончанием текста оборота 121-го листа Симеоновской».¹⁸ После этого М. Д. Приселков подсчитал количество букв на листах сравниваемых им кодексов и в «уроке» между пробелами оборотов лл. 157 и 161 и пришел к уверенности, что «Симеоновская через Троицкую сохранила нам ... формат ... „Летописца“ 1305 г.».¹⁹

Полученный вывод сколь-нибудь существенного научного значения по своему содержанию не имел, но очень важен был сам факт его появления. Успех при расчете формата протографа Лаврентьевской делал общеобязательной исходную уверенность М. Д. Приселкова, что Лаврентий со своими помощниками просто копировал «Летописец» 1305 г.

Ход рассуждений М. Д. Приселкова заставляет допустить, что над рукописью Лаврентьевской летописи работало по крайней мере четыре человека: первый из них, сам Лаврентий, переходил со сплошной строки на две колонки (л. 41), с устава на полуустав (л. 40 об.) и вновь на устав (лл. 157 об., 161 об. и 167), а в одном случае (лицевая сторона л. 157) писал не уставом и не полууставом, а «особо сжатым и мелким письмом, какого больше мы не встречаем на всем пространстве рукописи»; его помощники — второй (лл. 158—161), третий (лл. 162—166) и четвертый (л. 168 и дальше — до конца?) писцы — писали только полууставом.

А. Н. Насонов лично осмотрел рукопись Лаврентьевской летописи и сделал следующие заметки: «Основная часть рукописи была написана самим Лаврентием: она писана полууставом той же рукою, как и его запись в конце рукописи, его почерк начинается на обороте 40-го листа».²⁰ «Начало же рукописи написано другими чернилами и другим, более крупным, уставным почерком и, по-видимому, другою рукою, но, возможно, писцом

¹⁸ М. Д. Приселков. История рукописи..., стр. 193.

¹⁹ М. Д. Приселков. Формат «Летописца» 1305 г., стр. 169—170.

²⁰ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 438.

той же школы. Кроме того, небольшую помощь оказал Лаврентию второй помощник, писавший тоже уставом на лл. 157, 161 об. и 167, с пробелами в конце страниц.²¹ Совершенно иная, чем у М. Д. Приселкова, картина: нет никаких «уроков», все, что писано полууставом, писано одним человеком, а уставом на лл. 157, 161 об. и 167 писал не Лаврентий. Для расчета формата протографа Лаврентьевской не остается, таким образом, оснований.

В отличие от издателя занимающей нас летописи А. Н. Насонов, как видим, не сомневался в тождественности почерка л. 167 и лл. 157 и 161 об., но не был твердо уверен в том, что первые сорок листов и остальную часть рукописи писали разные люди («по-видимому»).

Итак, А. Н. Насонов резко разошелся с М. Д. Приселковым в понимании хода работы над манускриптом Лаврентьевской. Однако, согласившись с М. Д. Приселковым в главном, в том, что Лаврентьевская — копия «Летописца» 1305 г., А. Н. Насонов не стал ни оспаривать выводов о формате этого «Летописца», ни более внимательно интересоваться особенностями его «копии».

Таким образом, рукопись Лаврентьевской летописи, как это ни парадоксально, остается по сию пору неясно и даже противоречиво освещенной в научной литературе. Она заслуживает, конечно, большего внимания и любознательности. Отмеченное здесь расхождение между сущим и должным и является причиной появления предлагаемой вниманию читателя статьи.

Знакомство с Лаврентьевской начнем с ее наружности, с переплета. Для нас важно понять, какие особенности этой книги появились одновременно с нею, в XIV в., и что было добавлено к ним и убавлено у них последующим временем.

Перед нами пергаменный кодекс размером 252×211 , в переплете «обиходного» типа, без металлических жуковин и гвоздиков. Доски переплета обтянуты светло-коричневой кожей, выделанной под замшу. Толщина досок 10 мм; по торцам они имеют желобки; по этому признаку доски могут быть отнесены к XVI или даже XV в. Однако другие черты говорят о более позднем времени переплета: округлый корешок имеет четыре поперечных валика, выступающих над рядами сшивки, доски выдаются над обрезом листов. Такой способ оформления книг появляется в Московском государстве со второй половины XVII в.²² На внешней стороне переплета, спереди и сзади, на его светло-коричневую кожу наклеены листы потертой темно-коричневой кожи с тиснением.

На первом из этих листов можно видеть три вписанных друг в друга подобных прямоугольника, между сторонами которых

²¹ Там же, сноска 18.

²² В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 39.

различны следы орнамента. Внутри центрального, наименьшего прямоугольника по вертикальной его и листа оси довольно неровно помещены 4 ромба, оттиснутые с помощью специальных штампов, басм.²³ Справа и слева от ромбов расположены 3 горизонтальные стрелчатые басмы. Кроме того, и ромбические, и стрелчатые басмы перемежаются басмами — двойными кружочками. Оформление этого листа кожи можно датировать XVI в.²⁴

На листе кожи, приклеенном к нижней доске переплета, оттиснута косая сетка с очень крупными ячейками. Внутри четырех центральных ячеек помещены ромбические басмы (такие же, как на первом листе), в угловых ячейках — сердечки (внизу они повернуты «вверх ногами»), а в четырех боковых ячейках — по небольшому горизонтально вытянутому ромбу. Все эти басмы окружены с четырех сторон (а те, что у краев, — с трех) двойными кружочками. Такие же басмы-кружочки оттиснуты на скрещении линий сетки. И это тиснение говорит о XVI в.²⁵

Прежде к внутренним стенкам переплета были приклеены непосредственно к ним примыкавшие пергаменные листы рукописи: к верхней доске — лицевая сторона первого пергаменного листа, к нижней — оборотная последнего; на этих страницах видны коричневые и зеленые пятна клея, плесени, а может быть, и химикатов новейших исследователей. Среди этих пятен кое-где видны записи, из которых понятны лишь некоторые. На л. 1 по черком, как кажется, конца XVI — начала XVII в. написано: «Книга Рожесвенского монастыря Володимерьскаго».²⁶ На обо-

²³ Образцы такого рода инструментов можно видеть на фотографиях к статье Н. Н. Покровского «О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири» (ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 398—400).

²⁴ Тиснение на этом листе в целом близко к тому, что изображено в книге П. Симони «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси» (ОЛДП, СХХII, 1903) на табл. XIX слева и в статье С. А. Клепикова «Орнаментальные украшения переплетов конца XV — первой половины XVII веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря» (Зап. Отдела рукописей Библиотеки им. Ленина, вып. 22, М., 1960) на схеме V слева; стрелчатые басмы — типа 63—64 на табл. 1—3 в работе С. А. Клепикова, басмы-кружочки — типа 82—85 на табл. 1—4.

²⁵ Оформление этого листа схоже с тем, что изображено у С. А. Клепикова («Орнаментальные украшения...») на схеме II справа.

²⁶ Эта запись дала А. Н. Насонову (Лаврентьевская летопись..., стр. 437—438, 455—457) основание предположить, что в Рождественском Владимирском монастыре Лаврентьевская была и создана. Твердо же эта запись показывает лишь, что летопись находилась во Владимире в конце XVI или начале XVII в. После этого она оказалась в собрании Софийского собора в Новгороде; в тамошней семинарии в 1765 г. с нее была снята копия (хранится в Отделе рукописей ВАН, № 34.2.32). В 1791 г. из Новгорода в числе прочих рукописей Лаврентьевская попала в Москву к А. И. Мусину-Пушкину (см.: ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 1, д. 1522, Реестр взятых к его сиятельству гр. А. И. Мусину-Пушкину, по бытности его обер-прокурором Св. Синода, относящихся к Российской истории книгам, которые от него не возвращены, № 9, л. 2, 6, 13, 15), а от него вскоре — в Императорскую Публичную библиотеку. (В ВАН хранится и другая копия

роте л. 173 в шестой строке первого столбца различима запись полууставом: «еже сп(ас)ти свое создание хотяи»; в середине второго столбца — «плакашеса Василе», чуть ниже — «плака Василько».

Теперь между досками переплета и рукописью находятся форзацы — двойные листы цветной «мраморной» бумаги, укрепленные по корешковому сгибу дерматином. К ним примыкают листы из желтоватой бумаги без водяных знаков и вержеров. Дерматин и оба вида бумаги сравнительно недавнего происхождения. Однако переплет Лаврентьевской не похож на «фирменные» переплеты Публичной библиотеки. С помощью ультрафиолетовых лучей²⁷ удалось на нижнем поле оборота л. 164 прочесть большую часть стертой записи, сделанной почерком середины XVIII в.: «...т. следующии листы по сему листу переложены» (рис. 1). Очевидно, запись была стерта, когда спутанные листы были разложены правильно, по порядку. По-видимому, в последний раз Лаврентьевская была переплетена либо в конце XVIII в., либо в самом начале XIX в. — незадолго до того, как она была подарена гр. А. И. Мусиным-Пушкиным императору Александру I. Очевидно, тогда же листы рукописи были обрезаны по краям, так как частично срезанными оказались маргиналии XVIII в., например, на лл. 10 (это видно на рис. 3) и 96. Переплетчик сохранил и использовал элементы старого переплета — доски с желобками и темно-коричневую кожу с тиснением.

Во многих местах оборванные углы и края листов подклеены светлым пергаменом (см. рис. 5) более низкого, чем сами листы, качества (более грубым, полупрозрачным), причем подклейка кое-где закрывает текст. Пергаменными полосками подклеены по всей длине основания лл. 1 и 8, 47, 139 и 142, 156 и 161, 165 и 168, 166 и 167. Кусочками пергамена укреплены сверху и снизу парные листы 73 и 80. Лл. 9 и 170 подклеены, видимо, совсем недавно: по всей длине у корешка того и другого идет белая тряпичная лента.

Сшивка книги, как уже сказано, тоже обновлялась, однако обновлены могли быть только нити и способ их соединения. Членение же рукописи на тетради, чтобы сохранился порядок в тексте, должно было остаться старым, первоначальным. На составленной мною таблице (рис. 2) можно видеть, из каких тетрадей состоит рукопись Лаврентьевской летописи. Подавляющее большинство тетрадей представляет собой кватернион — четыре двойных листа, прошитых по сгибу в середине. Две тетради — II и XXIII — уменьшились в объеме вследствие утраты листов. Небольшой объем предпоследней, XXIV, тетради (один двойной лист),

Лаврентьевской — начала XIX в. — № 32.11.10. В 1806 г. она была подарена директором Публичной библиотеки А. Н. Олениным С. С. Уварову). За большую часть этих сведений приношу благодарность Г. Н. Моисеевой.
²⁷ От души благодарю за помощь заведующего Лабораторией консервации и реставрации документов АН СССР Д. П. Эрастова.

равно как и одиночный характер последнего, 173-го листа, по всей вероятности, суть следствия небольшого количества остававшегося для переписки материала. О других необычных тетрадах (VI, XXI и XXII) пойдет речь особо.

Видимо, рукопись значительное время существовала совсем переплетенной, в тетрадках, так как начала и концы некоторых тетрадей заметно потертые (лл. 48 об. и 49, 64 об. и 65, 73, 88 об. и 89, 105, 152 об. и 153, 172 об. и 173). Заметим, что потертые также некоторые внутритетрадные листы (лл. 94 об. и 95, 122 с обеих сторон, 124, 160 об. и 161, 162, 166 об. и 167, 168 об., 170 и 172).

Текст летописи начинается на обороте л. 1 после заставки те-ратологического стиля.

Первые 40 листов рукописи разлинованы и исписаны в сплошную строку, причем на лл. 1—10, 20—26, 33—34 помещено по 32 строки, а на лл. 11—19, 27—32 и 35—40 — по 31. Ширина разлинованной части колеблется в пределах 163—169 мм. Расстояние между горизонтальными линиями 6.5 мм. Для разлиновки использовалось «шилце», разлиновывали сразу по два листа, так как яркая, четкая разграфка чередуется здесь с бледной, неясной: на лл. 1, 3, 6 и 8 этих тетрадей разлиновка четкая, причем на лицевой стороне лл. 1 и 3 линии вдавленные, а на лицевой стороне соответствующих им лл. 6 и 8 — выпуклые; на лл. 2, 4, 5 и 7 разлиновка неясная. Необычна разлиновка оставшихся от II тетради лл. 9 и 10: здесь нет вертикальных линий (границ текста и полей). В VI тетради необычно чередование разлинованных листов: 1-й и 2-й (а не 1-й и 3-й) листы имеют четкую вдавленную с лицевой стороны разлиновку, а 5-й и 6-й — четкую выпуклую; на 3-м и 4-м листах разграфка неясна.

Лл. 1—40, о которых идет речь, покрыты обычным для второй половины XIV в. уставным письмом (рис. 3). Писец — это видно — аккуратен, старателен, ловок. Он пишет с нажимом и легким, едва заметным наклоном влево. Высота его букв 3 мм, горизонтальное расстояние между ними колеблется около 2 мм. Перекладины в буквах «и», «н» и йотированных гласных поставлены высоко и отлоги; иногда они, равно как и титла, перечеркнуты. Петли букв «ъ» и «ь» поднимаются почти к самому их верху. Чашечка «ч» угловата, ножка ее доходит до середины строки. Хвосты букв «ц», «щ», «р», «у» идут вниз, хвост «з» изгибается влево. Омега имеет острую серединку. Над гласными в начале слов писец ставит по точке, над омегой — всегда две точки.

Счет тетрадей писец вел, подписывая их номера в середине нижнего поля на обороте последнего листа тетради. Первые 5 тетрадей сохранили такую нумерацию (на оборотах лл. 8, 10, 18, 26 и 34). Всего уставом было исписано 46 листов, но уцелело из них только 40, так как II тетрадь утратила 6 средних листов (три двойных); от нее остались лишь первый (в рукописи 9-й)

Рис. 1. Стертая запись на нижнем поле л. 164 об. почерком XVIII в.: «...т. слѣдующи листы по сему листу переложены». Снимок в ультрафиолетовых лучах.

№ тетради	Сигнатуры на первых листах тетрадей	Номера листов												Сигнатуры на последних листах тетрадей		Высота сигнатур, мм
		1	2	3	4	=	5	6	7	8			я	4		
I		1	2	3	4	=	5	6	7	8				я	4	
II		9	0	0	0		0	0	0	10				Б	3.5	
III		11	12	13	14	=	15	16	17	18				Г	3.5	
IV		19	20	21	22	=	23	24	25	26				Д	5	
V		27	28	29	30	=	31	32	33	34				Е	4	
VI			35	36	37	=	38	39	40					Г	4.5	
VII		41	42	43	44	=	45	46	47	48				З	6	
VIII	В	49	50	51	52	=	53	54	55	56					4	
IX		57	58	59	60	=	61	62	63	64						
X		65	66	67	68	=	69	70	71	72				И	3.5*	
XI		73	74	75	76	=	77	78	79	80						
XII		81	82	83	84	=	85	86	87	88						
XIII		89	90	91	92	=	93	94	95	96				П	5	
XIV		97	98	99	100	=	101	102	103	104				Д	3*	
XV		105	106	107	108	=	109	110	111	112				Е	3*	
XVI		113	114	115	116	=	117	118	119	120						
XVII	Л	121	122	123	124	=	125	126	127	128						

№ тетради	Сигнатуры на первых листах тетрадей	Номера листов												Сигнатуры на последних листах тетрадей	Высота сигнатур, мм
XVIII	И			129 —	130 —	131 +	132 +	=	133 —	134 —	135 +	136 +			2*
XIX				137 —	138 —	139 +	140 +	=	141 —	142 —	143 +	144 +			
XX				145 —	146 —	147 +	148 +	=	149 —	150 —	151 +	152 +		К	4.5
XXI	Кя	153 —	154 —	155 +	156 +	157 —	158 +	=	159 —	160 —	161 +	162 —	163 +	164 +	1.5
XXII						165 —	166 —	=	167 +	168 +				КЕ	5
XXIII				169 —	0	0	0		0	0	170 +	0			
XXIV							171 —	=	172 +						
XXV								173 +							

Рис. 2. Конструкция кодекса Лаврентьевской летописи.

8 — первый писец; 0 — лист утрачен; = — прошивка; 2* — сигнатура частично сре-
зана; 92 — Лаврентий; 157 — третий писец, — — вдавненные } линейки на лицевой сто-
роде листа

и последний (нынешний 10-й) листы; этой утрате соответствует пропуск текста в Лаврентьевской за 24 (6406—6430) года. Таким образом, нынешний 40-й лист рукописи первоначально был 46-м — 6-м листом в VI тетради.

Оборот 40-го листа — то место, где, по предположению М. Д. Приселкова, Лаврентий ускорил работу, перейдя с устава на полуустав, а по предположению А. Н. Насонова — один писец сменил другого. Что же было на самом деле?

Письмо, которое начинается на обороте л. 40 с 9-й строки (древнейший полуустав), тоже обладает легким наклоном влево, но оно мельче, чем было прежде. Высота букв здесь 2—2.5 мм (см. рис. 1 и 4). Расстояние между буквами тоже меньше — 1—1.5 мм. Перекладины йотированных гласных и «и» опускаются к середине строки; «и» имеет почти современный вид: писец пишет эту букву, не отрывая пера (в уставе перо отрыва-

лось от листа после первой вертикальной палочки). Петли у «ъ» и «ь» поднимаются не так высоко, как прежде. Буква «з» представляет собой небольшую горизонтальную палочку в верхнем уровне строки с большим, опускающимся ниже строки, похожим на «с» хвостом; «ч» не совсем симметричное, с низкой ножкой. Вместо «е» (обыкновенного и йотированного) в начале слов и после гласных писец ставит якорное «е», а над ним две точки ; над остальными гласными, когда они начинают слово, стоит по одной точке (в том числе в подавляющем большинстве случаев и над омегой). Встречаются лигатуры, слитные написания букв: (му), (ны), (ну), (нти), (тр), (тв), (ти), (гю). Линии в этом типе письма постоянны по толщине; значит, с 9-й строки оборота л. 40 писец пользовался другим пером. И он обмакивал его в другую чернильницу: вместе с типом письма и пером сменился и цвет чернил — коричневый на черный (или очень темно-коричневый).

Оборот л. 40 дописан, как и начат, сплошной строкой. И вот что любопытно: на его нижнем поле (это хотя и 6-й, но последний лист тетради) сигнатура, порядковый номер тетради (здесь это $\tilde{Z}$ — 6), стоит не в центре нижнего поля, как 5 предшествующих ей сигнатур, а ближе к внутреннему краю листа. И написание этой цифры схоже с написанием того же знака в полууставе, втором типе письма, а не в уставе. Если мы заглянем на 8 листов вперед, то на обороте л. 48, под правой колонкой текста (здесь текст написан в две колонки), увидим следующий номер: Z — 7. Симметрично ему под левой колонкой текста на лицевой стороне л. 49 стоит цифра Π — 8. Еще дальше, на обороте л. 72, в конце X тетради, под правым столбцом видна частично срезанная и изрядно стертая пальцами читателей сигнатура $\tilde{I}$ — 10; на обороте л. 96 на том же месте стоит число Π — 13 (оно видно на рис. 4); на обороте л. 104 — наполовину срезанное ΔI — 14; на обороте л. 112 — две трети или три четверти цифр $\tilde{G} I$ — 15. В начале XVIII тетради, под левым столбцом лицевой стороны л. 129, — частично срезанная сигнатура $\tilde{H} I$ — 18; в конце XX тетради, под правым столбцом оборота л. 152, в ультрафиолетовых лучах различима стершаяся сигнатура K — 20, а на лицевой стороне л. 153 простым глазом видны цифры $K A$ — 21. Наконец, на обороте л. 168 — последнего листа XXII тетради — стоит номер $K E$ — 22, где E оказалось поврежденным таким образом, что стало чрезвычайно похожим на Π — 8 (однако в ультрафиолетовых лучах отчетливо видно). Остальные сигнатуры, которые естественно ожидать увидеть в начале и в конце тетрадей этой части рукописи, пропали при обрезке ее краев. У нижнего обреза на лицевой стороне лл. 57 и 121, в том

месте, где должны быть сигнатуры, сохранились лишь титла, а на лицевой стороне л. 168 — только кончики каких-то линий. Итак, на 40-м листе Лаврентьевской меняется манера нумерации тетрадей: отсюда и дальше номер каждой тетради ставился дважды — под первым и под последним столбцом ее текста.

Дальнейшие листы рукописи, начиная с 41-го, разграфлены на два столбца текста (см. рис. 4). Здесь все горизонтальные линейки, за исключением трех верхних и двух-трех нижних, не сплошные, а с разрывом в середине, в пространстве между столбцами. Внизу листов видны проколы, которые писец делал для ориентировки вертикальных линий (они различимы на рис. 4). Ширина всей разлинованной части страницы колеблется здесь в пределах 171—175 мм, высота — 205—210 мм, ширина одной колонки 81—84 мм. Количество строк на страницах, покрытых полууставом, постоянное — 32, исключение составляют лишь два листа, сохранившиеся от XXIII тетради, 169-й и 170-й: на обеих их сторонах помещено по 33 строки. Разлиновывались листы подряд, а не через один; и делалось это с силой, так как на месте многих линеек сейчас сквозные трещины в пергамене. На разлиновку этой части рукописи обратил внимание А. Н. Насонов: «Начиная с л. 41—41 об. ... наблюдаем определенное чередование вдавленных и выпуклых линий разлиновки в следующем порядке: — — + + — — + + и т. д. Этот порядок показывает, что Лаврентий после разлиновки разрезывал лист пополам, складывал обе половины и вкладывал одну в другую. Листы 171 и 170, следующие за пропусками текста, нарушают это чередование».²⁸ На лицевой стороне лл. 61 и 62 горизонтальные линии — в соответствии с порядком — вдавленные, а вертикальные — в нарушение порядка — выпуклые. Это означает, что Лаврентий перевернул лист во время его разлиновки. Лист 74 не разлинован. Кроме того, порядок разлиновки и чередования выпуклых и вдавленных линий нарушается только на лл. 157—161 и 167. Об этих листах далее пойдет особая речь.

Итак, со сменой устава полууставом связана смена пера и чернил, порядка постановки точек над гласными, вида и частоты разлиновки и манеры нумерации тетрадей. Все говорит о том, что на обороте л. 46 рукописи (нынешнего 40-го) не один писец изменил стиль работы, а один писец сменил другого. М. Д. Приселков был неправ, приписывая оба почерка Лаврентию, а А. Н. Насонов склонился к верной точке зрения.

Предшественник Лаврентия, первый писец, предвидел, кажется, конец своей работы, поскольку последнюю тетрадь он сделал не восьмилистной, а шестилистной. (Разлиновка показывает как будто, что тетрадь сразу складывалась из трех, а не четырех двойных листов). Киноварные вставки в свой текст (инициалы и даты) этот писец успел сделать лишь в I тетради: с л. 10 все

²⁸ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 438, прим. 20.

киноварные записи внесены Лаврентием в оставленные его предшественником свободные места (причем были оставлены места для крупных, из «плетенки» инициалов — таких как на лл. 1 об., 6 об. и 7, а Лаврентий вписал маленькие и простые. См. рис. 3). Очевидно, в руки Лаврентия вместе с рукописью первого писца перешел и его протограф. Остается все же впечатление, что работа первого писца прервалась внезапно: Лаврентий продолжил ее среди страницы, среди погодной статьи и даже среди фразы.

Почерк Лаврентия идет, как сказано, до самого конца рукописи, но в трех местах — на лл. 157, 161 об. и 167 — в него вторгается третий почерк — уставной, с коричневыми, более светлыми, чем у Лаврентия, и более темными, чем у первого писца, чернилами (рис. 5).

В отличие от первого уставного почерка, где у буквы «ж» нет верхней части («головки»), «ж» третьего вида письма ею обладает. Переκладина йотированного «а» горизонтальна и расположена в верхнем уровне строки, тогда как переκладины йотированного «е», «н» и «и» круты и опускаются до середины буквы. Только до середины строки или совсем немного выше поднимаются петли «ъ» и «ь». Заметной особенностью этого почерка является то, что от хвостов букв «щ» и «ф», а также от левого нижнего конца «х» идет «отрывной» росчерк влево вниз. Над гласными в начале слов, над йотированными буквами и над якорным «е» этот писец, в отличие от первых двух, всегда ставил по две точки. Примечательно, что он совсем не пользовался киноварью и не оставлял для нее свободных мест: даты и инициалы в его тексте написаны теми же чернилами, что и все прочее.²⁹ Далее мы постараемся осмыслить эту интересную черту в работе третьего писца.

Лл. 157 и 167, в отличие от 161-го, исписаны исключительно третьим почерком. И эти два листа имеют одинаковые особенности разлиновки: хотя здесь тоже по два столбца, по 32 горизонтальные линии на странице и примерно те же размеры разлинованной площади (высота 207 мм, ширина 175 мм, ширина колонок 80 мм), большинство линеек, а именно 21, проведено без перерыва в середине; прерываются только 11 нижних линий. Вторая снизу горизонтальная линия на том и на другом листе проведена дважды (рис. 5). Очевидно, лл. 157 и 167 были расчерчены разом и, наверное, представляют собой половинки одного большого листа пергамента.

Итак, мы можем заключить, что не первый писец и не Лаврентий, а кто-то третий (привыкший, кажется, к сплошной странице — и отсюда особенность его разлиновки) расчертил и исписал уставным почерком лл. 157 и 167 и приписал несколько строк на обороте л. 161. Как видим, говоря о третьем виде

²⁹ Кто-то из читателей рукописи, вероятно в XVIII в., чтобы выделить даты в тексте третьего писца, подчеркнул их темно-красными с вишневым оттенком чернилами.

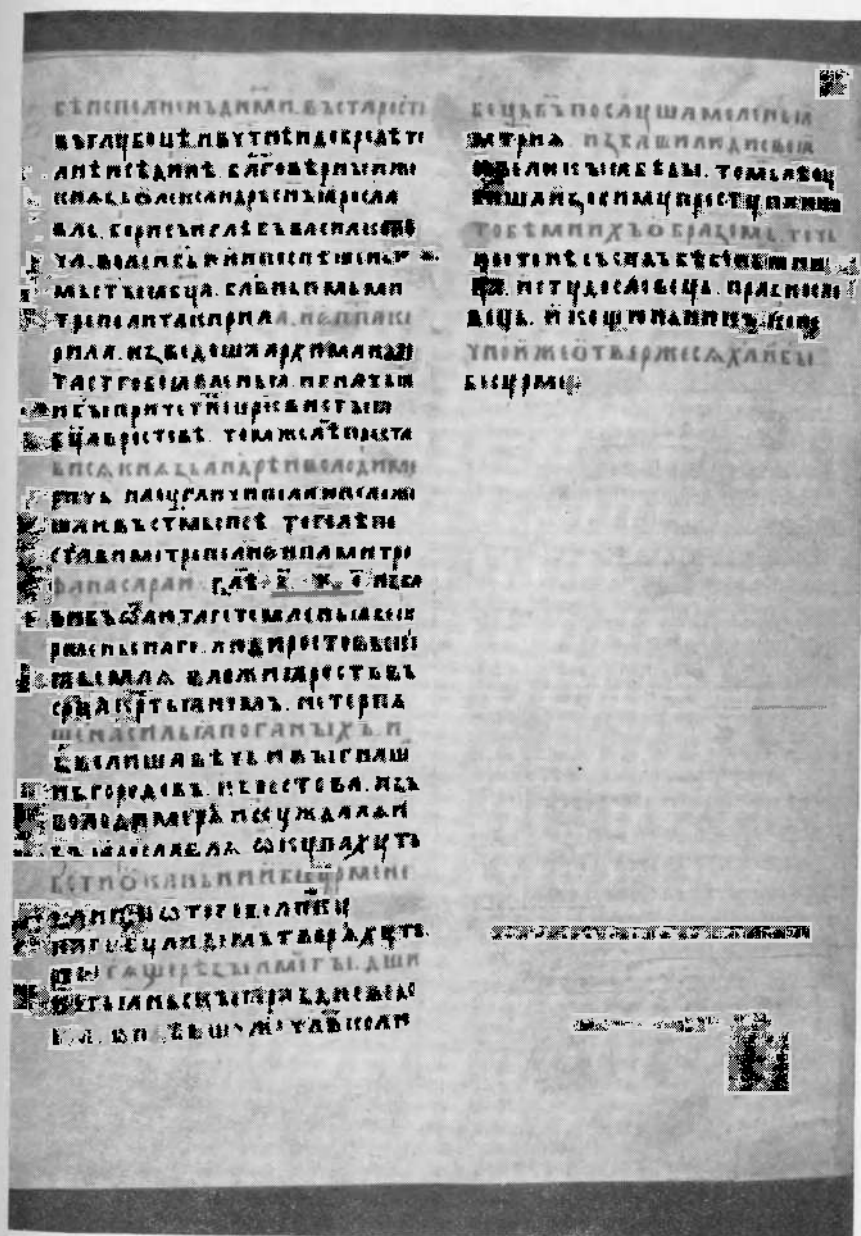

Рис. 5. Оборот л. 167. Почерк третьего писца. В тексте подчеркнута дата.

письма как о принадлежавшем Лаврентию, М. Д. Приселков тоже был неправ. Прав был А. Н. Насонов.

Продолжим наши наблюдения. Два первых из трех занимающих сейчас наше внимание листов (157 и 161) нарушают ритм чередования выпуклых и вдавленных линеек на лицевых сторонах листов (см. рис. 2 и 7, Г): 157-й, как и парный ему 160-й, имеет с лицевой стороны вдавленные линейки, а 161-й, как и парный ему 156-й, — выпуклые, что неестественно. Значит, эти листы вклеены в рукопись на место вырезанных, и вклеены «другой стороной» (перед тем как начать писать на этих листах не обратили внимания, как они лежат). Вклеенным должен быть, конечно же, и л. 167, расчерченный одинаково со 157-м.

Именно так это и есть: лл. 161 и 167 соединены с парными им лл. 156 и 166 посредством подклеенных по всей длине основания пергаменных полосок,³⁰ а л. 157 (это можно различить, глядя в лупу на верхний и нижний торцы кодекса) приклеен у основания непосредственно к соседнему, 158-му, листу и, кроме того, захвачен прошивкой; точно так же приклеен к соседнему (159-му) листу парный 157-му 160-й лист.

Таким образом, все три листа, где появляется в Лаврентьевской третий почерк, не первоначальны в рукописи. И потому неудивительно, что (читатель может помнить это из приведенных выше описаний В. Ф. Карского и М. Д. Приселкова) как раз эти три листа оканчиваются пробелами, безвредными для связности текста (рис. 5 и 6). На рис. 6 в правом верхнем углу, к сожалению, не видны буквы «ваю», начинающие 162-й лист, — конец слова «прогневаю», первой частью которого оканчивается текст оборота л. 161.

Когда же эти три листа могли появиться в Лаврентьевской?

Все особенности третьего почерка (утомительно было бы их вновь перечислять) говорят о том, что он современен первым двум, но, разумеется, в широких пределах второй половины XIV в. Однако замена листов связана не только с третьим почерком: один из этих трех листов (161-й, содержащий на обороте третий почерк и вклеенный в рукопись «другой стороной») разлинован и в основном исписан главным писцом, Лаврентием. Ясно, что написанное Лаврентием на этом листе — тоже не первоначальное явление в рукописи. Вместе с тем ни его почерк, ни цвет чернил здесь не отличаются сколь-нибудь заметно от почерка и цвета чернил на других его листах. Остается думать, что *вместе с третьим писцом сам Лаврентий что-то переделывал в своей работе в процессе или сразу после ее завершения*. Продолжим наше исследование в надежде решить, в чем состояла эта переделка.

На лицевой стороне л. 153, под левой колонкой текста, сигнатура **Ки** (21) отмечает начало XXI тетради. Необычна величина

³⁰ Эти полоски, наверное, принадлежат позднейшим переплетчикам или реставраторам; важно то, что они здесь понадобились.

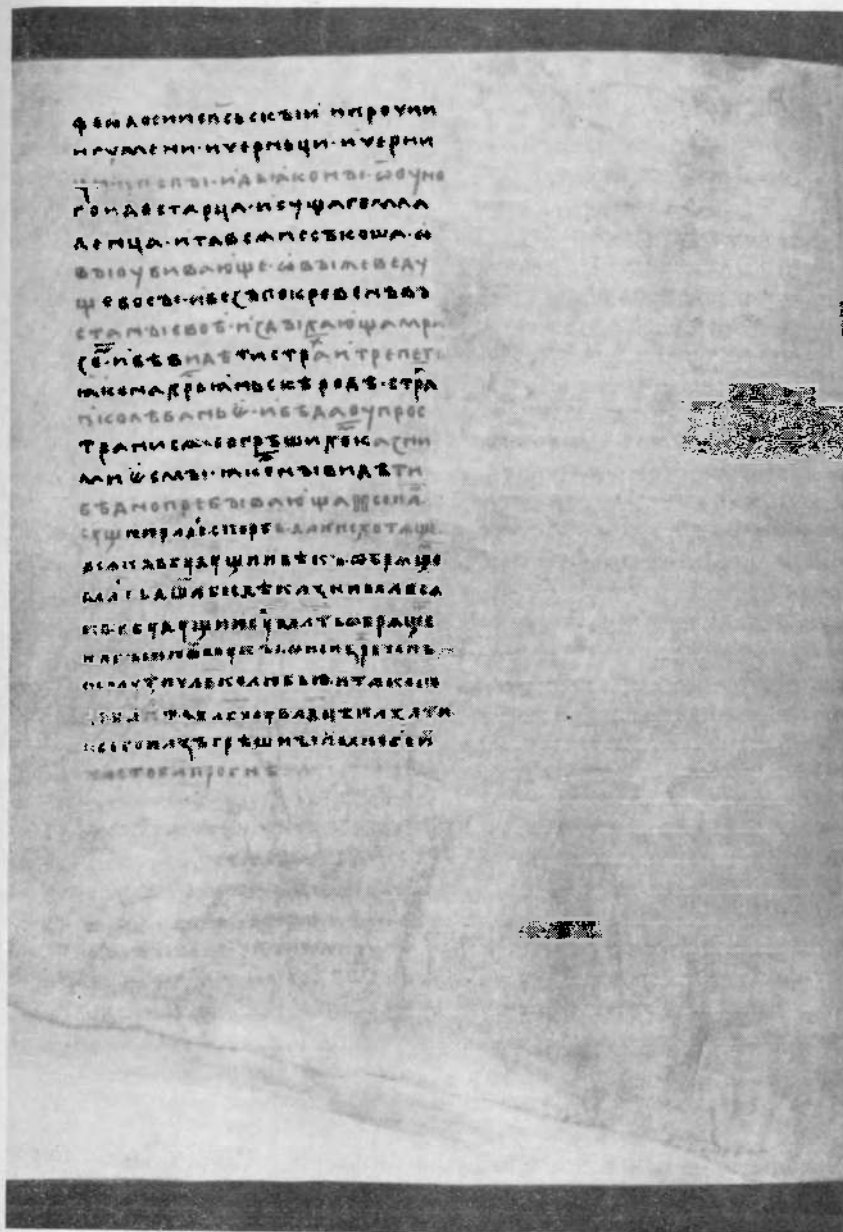

Рис. 6. Оборот л. 161. Почерк Лаврентия и — с 14-й строки — третьего писца.

этих букв-цифр — 1,5 мм, тогда как все прочие сигнатуры Лаврентия имеют вертикальный размер от 4 до 6 мм (см. правый столбец на рис. 2). Судя по начертанию, эти знаки тоже принадлежат Лаврентию, но явно он писал их не тогда, когда нумеровал остальные тетради (о приведении такой мелочи в соответствие с общим порядком, как и в случае вклейки листов «другой стороной», он не подумал).

Лист с необычно маленькой сигнатурой открывает необычно большую XXI тетрадь, за которой следует необычно маленькая XXII. Взглянув на рис. 2, нетрудно убедиться, что как раз в пределах этих «ненормальных» тетрадей группируются все главные особенности кодекса Лаврентьевской летописи: встречаются вклеенные листы с третьим почерком и пробелами, сбит порядок чередования выпуклой и вдавленной разлиновки. Очевидно, объяснять нужно весь комплекс особенностей, стараясь не оставить в стороне ни одной.

Обратим внимание на количество листов в «ненормальных» тетрадях: в XXI — 12 (шесть двойных), а в XXII — 4 (два двойных). Их сумма составляет 16, т. е. ровно столько, сколько листов содержат две обыкновенные тетради. Не увеличился ли объем одной тетради на четыре листа за счет другой (рис. 7, А и Б)? Для этого текст всей старой XXI и части старой XXII тетрадей должен был быть переписан Лаврентием в одной большой (новой XXI) тетради. Неизбежно в таком случае в самом конце этой тетради или где-то вскоре после нее должен находиться «стык» нового текста со старым, продолжением старого. Ведь крайне редко бывает, чтобы объем как-либо переделанного текста точно совпал с объемом первоначального, и потому около «стыка» должно быть либо большее против нормального, либо меньшее количество текста. Действительно, л. 167, третий лист новой XXII тетради, по своему месту и особенностям оказывается «стыковым» (рис. 7, Б): он содержит меньше, чем обычно, количество текста и потому имеет в конце пробел. (Первую строку на этом листе третий писец написал мелко — высота букв 2 мм, — но постепенно, видя, что текста у него меньше, чем пространства, он стал писать крупней — буквы вырастают до 2,5—3 мм, а на обороте листа до 3,5 мм. Но все же пробел оказался значительным — $\frac{3}{4}$ и 22 целых строки. См. рис. 5).

Согласно этим расчетам, следующий, 168-й, лист должен быть единственным сохранившимся от первоначальной, нормальной XXII тетради. В самом деле, на нижнем поле его оборота стоит сигнатура **КЕ** вполне нормальной высоты — 5 мм. Как и следовало ожидать, этот лист не составляет одного куска пергамента с парным ему и новым для XXII тетради листом 165, но соединен с ним посредством подклеенной пергаменной ленты.

Перейдем теперь к XXI тетради. Как уже говорилось, 157-й лист вклеен в рукопись не той стороной и потому — в нарушение естественного порядка — имеет, как и симметричный ему

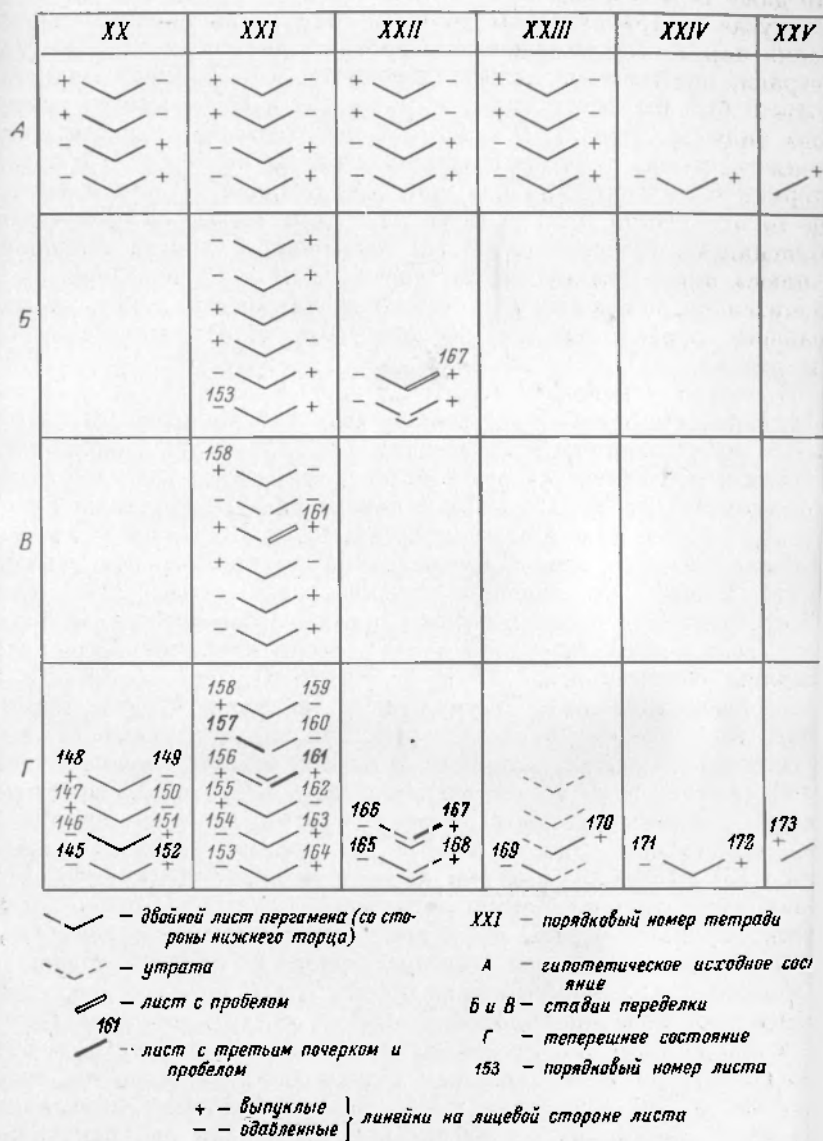

Рис. 7. Реконструкция хода переделки кодекса Лаврентьевской летописи

160-й, вдавленную с лицевой стороны сетку линеек (рис. 2; 7, Г). Но даже если мы мысленно исправим это нарушение — на место «минуса» л. 157 поставим «плюс», — все равно порядок чередования пар листов не будет восстановлен: два средних листа XXI тетради, оказывается, лежат «наоборот»: л. 158 вместо «плюса» должен был бы иметь «минус», а лл. 159 и 160 — вместо «минусов» «плюсы» (рис. 7, В и Б). Не свидетельствует ли это нарушение о замене двух центральных двойных листов уже в новой, вторичной, ненормально большой XXI тетради? В таком случае где-то поблизости должен быть еще один «стык». Таким путем объясняются особенности л. 161, вклеенного «другой стороной» («плюс» вместо «минуса», см. рис. 2; 7, В и Г) и содержащего значительно меньший, чем обычно у Лаврентия, текст, отсюда большой пробел на его обороте (0.5 и 41 целая строка. См. рис. 6).

Похож на «стыковой» и л. 157 — первый лист, где встречается третий почерк. Этот «стык» мог появиться, если первые 5 листов заново изготовленной XXI тетради (лл. 153—157) заполнялись текстом в последнюю очередь, когда новые листы 158—164 были уже исписаны, а лл. 158—161 и переписаны. Л. 157 тоже имеет в конце пробел, но — в отличие от лл. 167 и 161 — содержит значительно большее, чем помещается на листе Лаврентия, количество текста: на лицевой стороне здесь около 2211 букв (67 строк по 33 в среднем буквы), на обороте — около 1240 букв, т. е. всего знаков здесь около 3451, тогда как лист Лаврентия содержит обычно около 2700 (1350+1350) букв (отклонения очень незначительны). Третий писец, начиная л. 157, несомненно, знал, что ему предстоит уместить на листе больший, чем это делает Лаврентий, материал, и он стал писать сначала очень мелко (высота букв 1.5—2 мм). Опасаясь все же, что места не хватит, к первому столбцу лицевой стороны листа он приписал еще две строки (стало 34), а ко второму столбцу — одну (стало 33). Перейдя на оборот листа и, видимо, убедившись, что оставшейся страницы ему с избытком достаточно, писец стал писать крупней (буквы вырастают до 2.5—3 мм). Задача удалась писцу даже слишком (он перестарался на лицевой стороне): на обороте л. 157 остались свободными $\frac{2}{3}$ и 7 целых строк.

Два противоречия видятся в этой реконструкции хода переделки Лаврентьевской. Во-первых, поскольку лл. 166 и 167 — оба в XXII тетради *новые*, им нет нужды быть склеенными друг с другом: л. 167 прекрасно может быть «стыковым», составляя один кусок пергамента со 166-м. Во-вторых, если два центральных двойных листа новой XXI тетради заменялись и, следовательно, л. 161 приобретал «стыковой» характер в то время, когда лл. 153—157 еще оставались чистыми, какой смысл имело вырезать 161-й, чтобы на его место вклеить новый, если можно было заменить весь двойной (156 ~ 161) лист пергамента? Имело смысл разрезать этот двойной лист, только если на его левой

половине, т. е. на л. 156, *уже был текст*, который хотелось сохранить. Но тогда лл. 153—157 заполнялись *не* в последнюю очередь. Откуда же «стыковой» характер л. 157? Ведь кажется несомненным, что л. 157 был изготовлен последним — после замены двух центральных двойных листов XXI тетради и после появления ныне существующего л. 161. Получается замкнутый логический круг. Остается допустить, что, заменяя текст в центре новой XXI тетради, Лаврентий вынул один двойной лист (158—159), а два следующих за ним одиночных листа (160 и 161) отрезал от их *чистых* половин (лл. 156, 157), т. е. поступил не совершенно рационально (может быть, экономя пергамен?). Но можно также думать, что л. 157 не является «стыковым», а что просто *к тексту этого листа* было что-то прибавлено. Что же касается л. 167, то, будучи несомненно «стыковым», он может, кроме того, *содержать* переделанный текст (и отсюда склейка его со 166-м).

Рассуждая, мы до сих пор не учитывали того, что все «стыки» выполнены не Лаврентием, а третьим писцом. Итак, почему Лаврентий не делал «стыки» сам?

Каждый пробел — это огрех в оформлении книги, создававшийся по благословению епископа для великого князя. Представим себе, что во время переработки XXI и XXII тетрадей у писца Лаврентия возникло сомнение: допустимо ли оставлять столь заметные следы переделки? И он обратился к кому-то «главному». А тот, спеша видеть манускрипт готовым, сам закончил работу: на обороте л. 161 приписал 8 строк, недописанные заколебавшимся Лаврентием, а из половинок им самим разграфленного листа пергамена создал новые листы 157 и 167. Человек этот, во-первых, не хуже Лаврентия знал о переделке части летописи; во-вторых, не был профессиональным писцом (не имел под руками киноvari и не оставил для нее мест); в-третьих, работал не там, где Лаврентий (отсутствие киноvari и другой цвет чернил); в-четвертых (если допустить, что Лаврентий заколебался), имел власть разрешить эти сомнения. Это мог быть и сам епископ Дионисий Суздальский, и кто-то «промежуточный» между ним и монахом-переписчиком. (Вероятней, мне кажется, первое: уж очень смелая рука у «третьего писца»).

Теперь мы можем задать вопрос: ради какого текста могла быть предпринята реконструируемая нами здесь работа? Разумеется, текстологический анализ соответствующей части летописи в свете результатов кодикологического анализа — предмет особый, но самые общие наблюдения и соображения возможны и необходимы сейчас. Очевидно, как мы говорили, искомый нами сейчас текст прежде располагался частью в XXI, а частью в XXII тетрадах, где захватывал 4 листа, а теперь занимает последние 4 листа XXI тетради (лл. 161—164) и какое-то пространство перед ними. Если верно наше предположение, что особенности л. 157 — результат «стыковки» написан-

ных в обратном порядке частей (т. е. часть лл. 153—157 — в последнюю очередь), а не переделки повествования в пределах этого листа, то искомый нами текст должен начинаться где-то между первыми двумя «стыками» — не раньше 158-го и не позже 160-го листа. Есть ли отвечающий этим условиям какой-либо цельный текст в Лаврентьевской летописи? Есть. Это повесть о Батыевом нашествии. Ее начало — на обороте л. 159 («Того же лѣта на зиму придоша от восточныѣ страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии Татари...»), а конец — на л. 164; на обороте этого листа — последнего листа XXI тетради — находятся последние известия о победах Батыя на Руси («Взяша Киев Татарове...»). Значит, изготовителям рукописи совсем не безразлично было, в каком виде князь получит (в составе летописи) повесть о Батыевой рати, и они далеко не сразу добились окончательного, теперешнего ее текста.

Но если бы цель операции состояла только в замене или переделке текста повествования о татаро-монгольском нашествии, то ее можно было проделать технически проще: поместить эту повесть не в XXI, а в XXII тетрадь (XXI стала бы шестилистной, а XXII — десятилистной), не надо было бы переписывать начало XXI тетради. Но в том-то, видимо, и дело, что переделыватели, которые явно экономили пергамен и время, хотели что-то изменить (хотя считали возможным сделать это в последнюю очередь) также и *перед* повестью о Батыевой рати. Обратим внимание, что начало XXI тетради тематически некоторым образом «симметрично» ее концу: на первом ее листе (153) находятся первые известия о татарах («Явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша...»), на другой стороне этого листа рассказывается о битве на Калке. Таким образом, ненормально большая XXI тетрадь точно охватывает всю трагическую эпопею завоевания татарами Руси: на лицевой стороне ее первого листа татары впервые появляются в поле зрения летописца, а на обороте последнего — завершают покорение страны.

Приходится думать, что создатели Лаврентьевской внесли свою правку в весь рассказ о завоевании Руси татарами, причем особой обработке подверглась основная часть этого рассказа — повесть о Батыевом нашествии.

Ход переделки рукописи теперь мы можем представить следующим образом. Вынув из готовой рукописи XXI и XXII тетради и подсчитав, что количество листов, предшествующее в первой из них повести о Батыевой рати (6), равно количеству листов, занятому этой повестью (тоже 6), Лаврентий из 12 (шести двойных) листов сконструировал новую XXI тетрадь. Писать в ней он начал не с начала, но и не с начала повести, а немного отступя назад (на л. 158). И перестал в этот раз писать не с концом повести и не с концом тетради, а тоже немного отступя, на этот раз вперед, в XXII тетрадь (рис. 7, Б).

Следующим этапом работы была какая-то вторичная переделка первой части повести. Для этого были вынуты и переписаны лл. 158—161 (рис. 7, В).

И наконец, нужный текст заполнил начало тетради — лл. 153—157 (рис. 7, Г). Весьма вероятно, что, уже закончив л. 157, Лаврентий обнаружил, что ему не хватило места (и потому «третий ппсец» был вынужден сам переделать этот лист, заранее зная, что здесь нужно уместить больший, чем обычно, текст).

Что же касается подклейки л. 167, то мы говорили, что, будучи «стыковым», он может, кроме того, содержать как-то измененный третьим писцом текст. Совпадение ли то, что «татарская» тема и на этом листе занимает большое место? В первую очередь останавливает внимание рассказ об антитатарском восстании 1262 г. в Ростово-Суздальской земле: «Избави Бог от лютаго томленья бесурменьскаго...» (однако здесь мы упираемся в границу этого нашего исследования).

Не удивлюсь, если окажется, что возможны более остроумные реконструкции хода приобретения кодексом Лаврентьевской летописи его нынешних особенностей. Рассуждая, я старался создать наиболее простую модель. На самом деле все могло быть во много раз сложнее. Например, очевидно, что переделыватели спешили: только недостаток времени мог заставить пойти на переброшюровку тетрадей и допущение бросающихся в глаза огрехов оформления, вместо того чтобы заново аккуратно переписать всю последнюю часть книги — с XXI тетради до конца. Пришлось бы переписать всего на 12 листов больше, зато в кодексе не осталось бы никаких следов переделки (и мы о ней никогда бы не узнали). Но ведь вполне вероятно, что времени у этих людей стало не хватать (и они стали оставлять заметные «следы») только в конце своей работы, а что сначала они не спешили.

Оглянемся теперь назад. Наиболее точным из существовавших ранее описаний рукописи Лаврентьевской летописи следует признать описание В. Ф. Карского, предпосланное ее изданию. Смена почерков и размещение пробелов описаны там достаточно ясно. Однако издатель ограничил свои задачи описанием и не сделал попытки решить, сколько лиц принимало участие в создании этого манускрипта, и как-либо объяснить его особенности. Эти задачи взял на себя М. Д. Приселков. Но он не только не пополнил сообщенных В. Ф. Карским данных, но, увлекшись ходом собственной мысли, отступил и от них. Так возникло и на десятилетия вошло в науку превратное представление о рукописи Лаврентия и о ходе ее создания, а значит, — и о Лаврентьевской летописи в целом.

В. Л. Комарович, не интересуясь рукописью Лаврентия, заявил, что содержащийся в ней текст повести о Батыевой рати

есть плод редакторской переработки, произведенной ее создателями — «мнихом» Лаврентием и Дионисием Суздальским. Свою мысль В. Л. Комарович тщетно пытался вписать в картину соотношения Лаврентьевской и Троицкой летописей, созданную М. Д. Приселковым. Для этого он доказывал, что в сгоревшей Троицкой (а следовательно, и в «своде 1305 г.») была другая, чем в Лаврентьевской, редакция повести о нашествии татар. Кажется, это было ошибкой. Реконструкция Троицкой, осуществленная М. Д. Приселковым на основании выписок Н. М. Карамзина,³¹ убеждает в том, что повесть о Батыевой рати в обеих летописях имеет один и тот же облик.

Сделаем неизбежный вывод: эта повесть попала в Троицкую летопись из Лаврентьевской (а не из «свода 1305 г.»), т. е. одним из источников Троицкой была Лаврентьевская летопись (рукопись 1377 г. или более поздние — но не более ранние! — списки).

Найдя ошибку в относящемся к Троицкой летописи доказательстве В. Л. Комаровича, А. Н. Насонов не считал заслуживающими внимания и ценные наблюдения этого исследователя над текстом Лаврентьевской. А. Н. Насонов заметил также погрешность в представлениях М. Д. Приселкова о смене рук в манускрипте этой летописи. Наблюдением о чередовании листов с выпуклой и вдавленной разлиновкой в части, писанной полууставом, он дополнил даже данные В. Ф. Карского (хотя и допустил при этом неточность в указании листов, нарушающих порядок чередования). Но, подобно издателю, А. Н. Насонов не сделал никакой самостоятельной попытки осмыслить то, что видел (он только отверг мысль М. Д. Приселкова о происхождении второго большого пропуска текста в Лаврентьевской как следствии утраты листов в ее протографе).

Таким неверным путем и так медленно шло развитие научных представлений об одном из самых интересных и содержательных памятников древнерусской культуры. Автор этих строк надеется, что настоящей статьей описанная история не завершится, и убежден, что содержащаяся в манускрипте Лаврентьевской разнородная информация (в том числе и о процессе его создания) еще далеко не исчерпана.

Но уже сейчас исправление общепринятых в науке представлений о Лаврентьевской требует переработки по крайней мере двух объединяемых этим представлением научных планов: собственно текстологического и собственно исторического.

³¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 313—321.